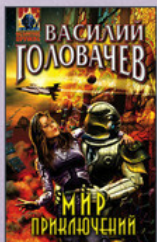

Василий Головачев

Приговоренные к свету

*Часть сборника
Мир приключений (сборник)*

Василий Головачев

Приговоренные к свету

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159449

Заповедник смерти: Эксмо; Москва; 2005

ISBN 5-699-12389-X

Аннотация

Как далеко простираются границы Вселенной? Одиноки ли мы в просторах Космоса и когда произойдет первый контакт? Возможны ли путешествия во времени и между параллельными мирами? Где предел человеческим возможностям? Все эти проблемы чрезвычайно актуальны сейчас, в начале третьего тысячелетия. Василий Головачев имеет собственные взгляды на будущее человеческой цивилизации и на устройство мироздания и убедительно отстаивает их в своих произведениях.

Содержание

ПРИГОВОРЕННЫЕ К СВЕТУ	4
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Василий Головачев

Приговоренные к свету

ПРИГОВОРЕННЫЕ К СВЕТУ

На этого молодого человека в безукоризненном темно-синем костюме обратили внимание многие посетители ресторана «Терпсихора», принадлежащего известному в прошлом певцу Алексею Мариничу. Ресторан открылся недавно, однако быстро снискал славу одного из самых модных мест тусовок московской богемы.

Молодой человек пришел один, в половине восьмого, когда завсегдатаи ресторана еще только начинали подтягиваться к началу ежевечерней программы: здесь часто выступали известные певцы, актеры и танцевальные группы, а иногда пел и сам хозяин, не утративший голоса и артистического обаяния. Обычно это случалось по просьбам присутствующих в конце недели, когда Маринич отдыхал в кругу близких друзей. Нынешним вечером он также собирался расслабиться в своем ресторане и спеть несколько песен в стиле ретро, что особенно ценилось женской половиной посетителей.

Юноша в синем костюме занял столик в хрустальном гроте, поближе к оркестровой раковине, где любил сидеть хозяин ресторана, заказал минеральную воду и стал ждать, раз-

глядывая постепенно заполняющую зал публику. Он был довольно симпатичен, высок, много курил и явно нервничал, то и дело бросая взгляд на часы. К десяти вечера его нетерпение достигло апогея, хотя глаза оставались темными, полусонными, если не сказать – мертвыми, но волнение выдавали руки, ни на секунду не остающиеся в покое. Молодой человек барабанил пальцами по столу, перекладывал из кармана в карман зажигалку, расческу, бумажник, платок, разглаживал скатерть на столе, поправлял галстук, стряхивал с костюма несуществующие пылинки, пил воду и в конце концов обратил на себя внимание официанта.

– Что-нибудь не так? – подошел к нему метрдотель. – Вы кого-то ждете, молодой человек?

Гость посмотрел на часы, сказал отрывисто:

– Еще бутылку воды, пожалуйста. Скажите, а Алексей Артурович скоро начнет выступление?

Метрдотель покачал головой.

– Сегодня он, к сожалению, выступать не будет, плохо себя чувствует. Так вы его ждете?

– Н-нет, – глухо ответил молодой человек, стекленея глазами. – Где его... можно найти? Мне с ним надо... поговорить...

– Что с вами? – обеспокоился пожилой метрдотель. – Вы побледнели. Вам плохо? Может быть, вызвать врача?

– Мне надо... встретиться с Алексеем Артуровичем Мариничем... немедленно...

– Ничем не могу помочь. – Метрдотель пошевелил пальцем, подзывая секьюрити ресторана. – Посодействуйте молодому человеку дойти до машины.

– Вы меня обманываете. Алексей Артурович должен сегодня... быть здесь... меня предупредили...

– Он заболел, – терпеливо сказал метрдотель, хмурясь. – Кто вас предупредил, что он должен выступать?

– Он всегда... в десять часов...

Метрдотель кивнул, отходя от столика.

Двое плотных парней в черных костюмах и бабочках подхватили юношу под руки и повели из зала, но не на улицу, а через служебный коридор на второй этаж здания, где у Маринича был кабинет и где располагались хозяйственные службы ресторана. В комнате охраны парни усадили молодого человека, порывающегося сопротивляться, на стул, и начальник охраны подошел к нему вплотную.

– Обыскали?

– Так точно, Сергей Петрович, чист. Даже ножа нет.

– Зачем ты хочешь встретиться с Мариничем?

– Мне надо... это очень важно... его хотят...

– Ну?

– Его хотят... убить!

– Кто?

– Это я скажу ему... лично...

– Говори здесь, мы передадим.

Настенные часы в комнате тихо зазвонили, стрелки по-

казали десять часов. В то же мгновение молодой человек вскочил, ударом ноги свалил начальника охраны, парня слева просто отшвырнул на пульт монитора телеконтроля, обнаружив недюжинную силу, сбил с ног второго охранника и выбежал в коридор. Секьюрити подхватились, бросились за ним, и тотчас же раздался взрыв.

Начальник охраны, встававший на четвереньки, успел заметить в открытую дверь, как тело беглеца вспыхнуло фиолетово-сиреневым светом и разлетелось струями огня во все стороны. Ударная волна разрушила половину коридора, часть помещений по обе его стороны, комнату охраны и снесла дверь в кабинет хозяина ресторана, но Маринич не пострадал. Он действительно чувствовал себя неважно и спускаться в зал не хотел, просто намеревался посидеть в кабинете с друзьями и предложить им, как он любил говорить, «продукты от кутюр».

Взрыв был такой силы, что вздрогнуло и зашаталось все старое семиэтажное здание сталинской постройки. К счастью, стены его были толстыми и крепкими, пострадал лишь второй этаж да рухнула часть потолочного перекрытия третьего этажа. Из четырех охранников, дежуривших в тот злополучный вечер в спецкомнате контроля, уцелели двое, в том числе начальник службы секьюрити, который и рассказал прибывшим спецподразделениям о взорвавшем себя самоубийце, от которого остались лишь штиблеты, пуговицы да ключья костюма.

Слежку за собой Николай Александрович Зимятов, генерал-майор милиции, заместитель начальника ГУВД Москвы, заметил на другой день после взрыва в ресторане «Терпсихора». С его хозяином он был знаком давно, лет пятнадцать, они дружили семьями, ходили друг к другу в гости, встречались часто, а после того как Леша Маринич стал бизнесменом и приобрел ресторан, эти встречи и вовсе приобрели характер потребности, благо в ресторане встречаться было и удобно, и приятно.

В тот вечер Николай Александрович приехать к бывшему певцу на посиделки не смог, был с женой на даче, но утром, узнав о случившемся, примчался в Страстной переулок, где располагался ресторан, и застал Маринича в подавленном состоянии, уныло взиравшим на разруху в коридорах и залах своего детища, в которое вложил немалые средства.

После разговора с Алексеем Николай Александрович понял, что взрыв – не просто дело рук одной из преступных группировок, контролирующей ресторанный бизнес, а нечто другое. Маринич с мафией дела не имел, денег на ресторан ни у кого не одалживал – взял ссуду в банке, должен никому не был и собирался зарабатывать на жизнь честным путем, поэтому и ответил отказом представителям «частной охранной фирмы», предложившим «крышу». За немалые деньги, разумеется. Судя по взрыву, «охранникам» не понравилась самостоятельность новоиспеченного владельца рестора-

на, не повлияла на их решение и близость Маринича с генерал-майором милиции, и принадлежность публики ресторана к артистически-богемной среде, в которую входили известные артисты, певцы и музыканты. Взрыв показал, что Маринича хотели не припугнуть, а убрать, и решимость бандитов заставляла искать причины их такой уверенности и думать о наличии прикрытия группировки: эти люди (если можно было называть их людьми) никого не боялись.

И еще один нюанс смущал Николая Александровича: характер взрыва. Если верить словам начальника охраны ресторана, исполнитель не имел при себе взрывного устройства и тем не менее взорвался! Но даже если допустить, что его просто неумело обыскали, объяснить полное исчезновение исполнителя никаким взрывчатым веществом было невозможно. От исполнителя не осталось буквально ничего! Только ботинки, пуговицы и клочья костюма!

Поговорив с удрученным Мариничем, Николай Александрович пообещал разобраться с происшествием по своим каналам, позвонил в управление и вызвал эксперта, хотя в здании уже работала следственная группа МВД. Но у генерала были свои резоны. От взрыва за версту несло спецификой эксперимента, списать его на мафиозную разборку интуиция не позволяла. Прямо из кабинета Маринича Николай Александрович соединился с ФСБ, позвал к телефону давнего приятеля полковника Щербатова и поделился своими соображениями по поводу происшествия в ресторане. После

этого он попытался успокоить Маринича, а когда вышел на Сретенку, почти сразу же заметил слезку.

Вели его классно, методом «терпеливой очереди», с применением постоянной радиосвязи, однако Николай Александрович работал в милиции тридцать с лишним лет и опыт оперативной работы имел достаточный, чтобы знать все секреты службы наружного наблюдения.

Его продолжали «пасти» и дальше, несмотря на то что ездил Николай Александрович на служебной «Волге» и мог привлечь к опознанию наблюдателей оперативную службу спецназовской «наружки». До вечера он дважды выезжал по делам в разные концы города и каждый раз обнаруживал слезку, хотя машины сопровождали его «Волгу» разные. В конце концов он не вытерпел и взял с собой на встречу с приятелем-чекистом машину оперативной поддержки, собираясь передать неизвестных наблюдателей в руки профессионалов. Однако с удивлением обнаружил, что никто за ним на этот раз не едет. Наблюдатели словно знали, когда можно «пасти» генерала, а когда нет, словно их заранее предупредили о принятых мерах.

Встречу ему полковник Щербатов назначил в кафе «Тихий омут» на Бережковской набережной, представлявшем собой нечто вроде катрана – места встреч высокопоставленных сотрудников спецслужб. Кафе принадлежало военной контрразведке и обслуживалось по высшему разряду, здесь можно было поговорить о делах и приятно провести время,

поэтому оно никогда не пустовало.

Николай Александрович прогулялся вдоль узорчатой чугунной решетки парапета набережной, поглядывая на заходящее за рекой солнце, выслушал доклад старшего группы сопровождения, что все чисто и спокойно, признаков «чужого внимания» не наблюдается, и отпустил машину. Затем увидел выходящего из такой же черной «Волги» на стоянке возле кафе полковника Щербатова с двумя телохранителями и направился через дорогу к нему. Дальнейшие события произошли в течение нескольких секунд.

Вышедший в это время из кафе пожилой мужчина в хорошем светлом костюме достал сигарету, двинулся через дорогу к набережной и, встретившись на полпути с Николаем Александровичем, попросил огоньку. Машин по данному участку набережной ходило мало, но все же прикуривать посреди улицы было бы по крайней мере неосторожно, и генерал, задержавшись на мгновение, зашагал через дорогу дальше, не собираясь забирать зажигалку, и в тот же момент человек, попросивший огоньку, взорвался!

Взрыв был такой силы, что тело Николая Александровича взрывная волна отшвырнула на три десятка метров, вплющив в стену кафе. Чугунный парапет снесло в реку, две близстоящие машины перевернуло, а во всех домах, окружающих кафе, выбило стекла.

Генерал скончался, не приходя в сознание, на руках у полковника Щербатова, тоже изрядно помятого и поцарапанно-

го. От самоубийцы, взорвавшего себя на глазах двух десятков свидетелей, не осталось ничего.

Очередная бутылка из-под пива со звоном грохнулась на крышу подъезда, и Потапов наконец осерчал настолько, что решил тут же разобраться с любителями выпивать и выбрасывать бутылки из окна вниз ради забавы.

В этот шестнадцатизэтажный дом на улице Рогова он переехал недавно, полгода назад, когда умер отец, доктор химических наук, бывший завлаб Курчатовского института, и квартира досталась Потапову в наследство. С отцом он особенно дружен не был, заезжал изредка, раз в два месяца, да встречался с ним иногда на его же даче в Горках, но мама такие встречи не одобряла, и Потапов сократил встречи с отцом до минимума, о чем сейчас жалел. Отец, по сути, был добрым человеком, а с матерью не ужился по причине увлеченности работой, отдавая ей (работе) все свободное время. Маме же хотелось, чтобы известный ученый-химик хотя бы изредка переставал быть исследовательской машиной и обращал бы на нее внимание чаще, чем два раза в год – в день рождения и на Восьмое марта. Прожив с мужем двенадцать лет, она ушла от него и забрала сына, и Потапов вырос в Бибиреве, в однокомнатной квартирке на улице Плещеева. Он не удивился, когда после похорон отца их с мамой нашел судебный исполнитель и прочитал завещание Потапова-старшего о передаче трехкомнатной квартиры в Щукино

в собственность сыну. Вскоре Потапов переехал на новое место жительства, разобрал старье, которым была под завязку забита квартира отца, починил старую, но добротную, времен русского ренессанса, мебель, переставил все по-своему и впервые в жизни почувствовал себя человеком, не зависящим от квартирных условий.

Но ненадолго.

Сначала по вечерам в квартире над ним стали собираться молодые люди в возрасте от девятнадцати до двадцати двух лет, включая на полную мощь аудиоаппаратуру и не давая Потапову, да и соседям, естественно, отдыхать после трудового дня и спокойно спать. Длилось это безобразие с месяц, Потапов терпел, он и сам любил посидеть в компании друзей, хотя не так громко и скандально, потом в очередной загул компании в два часа ночи поднялся на третий этаж (сам он жил на втором) и мирно попытался объяснить молодым людям, что ведут они себя неправильно. Его слушать, разумеется, не стали, пообещали «набить морду», если он еще раз «посягнет на священное право человека отдыхать, как ему хочется», – парни, судя по всему, были начитанными, хотя и предельно инфантильными, – и Потапов рассвирепел. Драться, правда, с ними он не стал, хотя мог бы уложить всю компанию в течение нескольких секунд, а просто позвонил дежурному в управление, обрисовал ситуацию, и через полчаса к дому подкатил джип отдела с нарядом оперативников. Ребята были в черных спецкомбинезонах, с масками на го-

ловах, увешаны оружием, и глядеть на них было приятно. Еще через несколько минут компания веселящихся «хозяев жизни» – пятеро парней и две девушки – сидела в машине и икала от страха, не понимая, что происходит, а Потапов пошел спать. Потом ему рассказали, что девушек высадили возле отделения милиции, а парней отвезли за город и оставили в лесу, пригрозив в следующий раз всех «утопить в реке». С тех пор пьянки по ночам в квартире этажом выше прекратились. Зато кто-то начал регулярно сбрасывать на крышу подъезда пустые бутылки, банки, пластиковые пакеты и объедки, что в конце концов довело Потапова до белого каления, так как два окна квартиры выходили аккурат на крышу подъезда, и осколки бутылок изредка залетали на кухню в открытое окно. Вдобавок ко всему мусор вонял, и запахи летом бродили по квартире еще те.

Вскоре он выяснил, что бросали бутылки с двенадцатого этажа снявшие там квартиру не то армяне, не то азербайджанцы. Связываться с ними не хотелось, но поскольку вызванный участковый сделать ничего не смог под предлогом: не пойман – не вор, Потапов решил действовать сам, и как только тихим майским вечером раздался звон, поднялся на двенадцатый этаж.

Мише Потапову исполнилось недавно двадцать девять лет. Работал он в оперативном управлении антитеррора Федеральной службы безопасности под командованием полковника Щербатова. Служил в армии в десантных войсках, за-

кончил юрфак МГУ, с малых лет занимался рукопашным боем, много читал, увлекся эзотерикой и даже женился – в двадцать один год, но прожил с молодой женой всего четыре месяца, после чего она погибла – утонула при невыясненных обстоятельствах в Киргизии, на озере Иссык-Куль, куда поехала отдыхать с подругой. Потапов тогда поехать с ней не мог из-за экзаменов, он сдавал летнюю сессию. С тех пор жил один, лишь изредка позволяя себе короткие знакомства и расставания без сожалений. Второй такой женщины, как Даша, он пока не встретил.

Нажимая кнопку звонка, Потапов вспомнил приговорку отца, которую тот любил повторять: одинаково опасно и безумному вручать меч, и бесчестному власть¹, – подумал, что папа, безусловно, смотрел в корень, но меч все же надо хотя бы изредка вынимать из ножен, чтобы лечить кое-какие социальные болезни, требующие хирургического вмешательства, и сказал в приоткрывшуюся дверь, в щель которой выглянуло мрачное смуглое усатое лицо «кавказской национальности»:

– Будьте так любезны, позовите хозяина.

– Я хазаин, – с акцентом ответило лицо.

– В таком случае прошу вас или ваших гостей больше бутылки вниз не бросать. Во избежание неприятностей.

– А ты кто? – поинтересовалось лицо, даже не озаботившись опровержением сказанного.

¹ Пифагор.

– Я живу на втором этаже, и мне очень не хочется, чтобы крыша подъезда превращалась в мусорку.

– Тогда иды к сэбэ, – буркнуло лицо, закрывая дверь, но Потапов сунул в щель носок туфли и постарался приятно улыбнуться.

– Не доходит? Или ваш ответ следует считать обещанием жить как люди, а не как свиньи?

Усатый посмотрел на ногу Потапова, позвал кого-то, дверь распахнулась шире, и на пороге вырос еще один абориген, в спортивном трико, но уже не кавказской, а вполне славянской организации, которую обычно называют одним словом: бугай.

– Тебе чего, мужик?

Потапов снова попытался объяснить ситуацию, прислушиваясь к доносившимся из квартиры голосам: судя по всему, здесь обитала целая компания людей определенного склада, – но достучаться до сознания бугая не смог, для этого, очевидно, нужна была кувалда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.